

Екатерина
Мурашова

**ОДНО ЧУДО
НА ВСЮ ЖИЗНЬ**

Екатерина Мурашова

Одно чудо на всю жизнь

«Автор»

2010

Мурашова Е. В.

Одно чудо на всю жизнь / Е. В. Мурашова — «Автор», 2010

Эта повесть — о столкновении интересов двух подростковых компаний — благополучных питерских гимназистов и пригородных беспризорников. Время действия — 90-е годы XX века. И хотя воссозданная в повести жизнь прагматична, а порой и жестока, в ней нет безысходности, а есть место и родительской любви, и заботе о слабых и привязанности к ним, и чистейшей влюблённости, жертвенности и благородству. Читаешь повесть, глядишь на героев, и как короста слезает, а под ней оказывается живая, «маленькая пушистая душа». Удивительно правдиво описаны начатки разрушения всяческих стен между «несовместимыми по жизни» людьми, маленькими и большими. И как верно подметил главарь беспризорников, Генка Лис: «Только в книжках добро и зло делится в пространстве. На самом деле граница проходит внутри. Внутри каждого человека. И каждый из людей сражается сам с собой...»

© Мурашова Е. В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Витёк	9
Глава 2. Братья Лисы	21
Глава 3. Сестры Ветлугины	27
Глава 4. Виктор Трофимович	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Мурашова

Одно чудо на всю жизнь

Пролог

Говорят, что бывают на свете люди, которые ходят на вечернюю рыбалку только для того, чтобы полюбоваться на закат и послушать, как шумит лес, плещет вода, да чирикают и квакают всякие пичужки с лягушками. Сидят себе эти люди на бережку, любуются природой и думают о всяких прекрасных разностях. Много людей на свете, есть, наверное, и такие, но Сёмка Болотников, расположившийся с удочкой на берегу озера Петров Ключ, сроду был другим. Птичек Сёмка не слушал, лягушками брезговал (хотя, когда был совсем мелким, любил надувать их через соломинку), на закат не смотрел, а смотрел исключительно на поплавок, и думал о том, что ватник под задницей промок уже почти насквозь, и надо бы уходить, пока совсем не стемнело, но запахло бросать такой клев, потому что осень скоро, и в другой раз не дождешься. За Сёмкиной спиной стояло красивое белое ведро из-под импортной краски, в котором лениво шевелили плавниками три хариуса, два окуня и десяток плотвиц. Все рыбы имели необычный для карельских озер темный, почти черный цвет, из-за которого полосы у окуней были почти не заметны. Сёмка подсек очередную плотвицу, выпустил в ведро, оглянулся через плечо на чернеющий лес, и нервно усмехнулся, нехстати вспомнив деревенские байки.

Небольшое озеро Петров Ключ пряталось в лесу недалеко от поселка, который и сам издавна носил то же, никому не понятное имя. Какой Петр? От чего Ключ? Неведомо никому, да никому и неинтересно, потому что краеведов в поселке Петров Ключ не водилось. Рыбачков было много, но все они рыбачили на Вуоксе, где и лодки имелись, и простор, и прочие рыбацкие улады. Про озеро же Петров Ключ ходила по поселку нехорошая слава. С каким-то даже сказочным, можно сказать, душком. Вслух-то, если напрямик спросить, каждый скажет: дурь все! – однако, кроме Сёмки, божья Парамона, да совсем маленьких ребятишек, никто из поселка на Ключе не ловит и купаться даже в самую жару не идет. Хотя рыба-то в Ключе есть. И вся черная. «Дьявольская!» – так бабка говорила. Ну, так в ухе-то, или там на сковороднике не разберешь – дьявольская она или еще какая... Вкусная – и все!

А озеро – самое обычное, только вода темная какая-то. К Тарасихе прошлым летом племянник-студент с невестой приезжал, так они на этом озере круглый день пропадали. Сёмка из-за кустов подсматривал, как они с невестой меж собой. Интере-есно! Однажды племянник Сёмку поймал, но бить почему-то не стал, смеялся только. Он и про рыб черных объяснил, что, мол, они к черной воде приспособились естественным отбором, чтоб их в воде не видно было.

А еще говорят, будто у этого озера дна нет. Вранье все! Глубокое оно, это точно, и вода холоднющая, у Сёмки, когда нырял, два раза ногу сводило, едва выплыл, но дно-то – есть! Правда, илистое оно и ногу не поставишь, засосет сразу... Еще вот кувшинки почему-то на Петровом Ключе не растут. На всех озерах окрест и в заводях на Вуоксе – каждый год хоть косою коси, на летней макушке прямо не вода, а ковер в желтую и зеленую горошку, а в Петровом Ключе – ни одной, как запретил кто. Так, может, им в воде что не подходит...

Сёмка выцепил взглядом лукавое покачивание поплавка и, мигом забыв обо всем, напрягся в ожидании добычи. Вдруг словно какое-то бесшумное крыло махнуло над водой, и плотвичка, взблеснув в глубине, исчезла. Веером рассыпалась стайка мальков, и истошно закричала какая-то птица в подлеске. Сёмка вздрогнул, едва не выронив удочку, выругался, повертел шейю из стороны в сторону, ерзая по замасленной горловине старого ватника, и только после догадался взглянуть наверх...

В оранжево-розовом, лиловеющем по краям вечернем небе прямо над Сёмкиной головой образовалось огромное серое пятно. Словно какой-то гигантский ребенок вырезал ножницами круглую дырку в листе цветного картона. В дырке же... Смотреть в дырку было нестерпимо страшно, но Сёмка пересилил себя, крепче обхватил руками колени, и глянул еще раз. И понял: в первый раз все увидел неверно. Не было никакой дырки в небе, а был огромный

пепельный шар, который уже висел не прямо над озером, а словно в стороне, дальше от поселка. А сейчас еще дальше... Шар как будто бы передвигался прыжками, возникая на новом месте и пропадая во время каждого следующего прыжка. Все это происходило совершенно бесшумно, если не считать того, что в подлеске заходились в истошном крике уже несколько разных птиц, а в небольшой заводи раздался совершенно невозможный по осеннюю пору лягушачий «квак». Сёмка почувствовал, что сейчас у него в голове что-то лопнет.

– Ой-ё-о-о! – завыл Сёмка. – Вот..... такой, чтоб им.....!!!

К сожалению, все Сёмкины слова нельзя напечатать в книге, потому что разговаривать нормальным русским языком Сёмка почти не умел. То есть, обычные русские слова Сёмка, конечно, знал, но использовал их мало и так густо разбавлял свои высказывания словами неприличными, что понять его непривычному к такой речи человеку было непросто. Никакой особой Сёмкиной вины в этом не было, потому что точно так же, как он, говорили почти все мужики в поселке и все Сёмкины приятели. На нормальном русском языке говорить приходилось только в школе, но там Сёмка в отличниках сроду не числился, и потому все больше молчал.

Крик вернул в Сёмкин организм какие-то силы, непонятное оцепенение прошло, и мальчик снова обрел способность двигаться. Вскочил, уронив удочку и опрокинув ведро, рывками, втягивая голову в плечи, огляделся, решая, куда бежать.

Тем временем серый шар вернулся и снова завис над озером. Через несколько секунд Сёмка понял, что расстояние между шаром и поверхностью воды медленно сокращается, то есть шар опускается. Захлопнув отвалившуюся челюсть и больно прикусив язык, Сёмка начал осторожно отступать к лесу, нащупывая ногой тропу и опасаясь повернуться к озеру спиной. Зайдя за куст краснотала, развернулся и понесся, что есть мочи в сторону поселка. Разом сбил дыхание, но остановиться не мог, не смел, бежал, судорожно разевая рот и до боли распяливая ребра, придерживая рукой колющий бок. Только в виду поселка, уже спустившись с некрутого пригорка, встал, согнувшись, и перевел дыхание, с нежностью почти слушая привычный брех собак и грай ворон, устраивающихся на ночевку. Видели ли в поселке шар?

Тропинка огибала огороды и с северной стороны выводила прямо на главную деревенскую улицу, но Сёмка боялся так сильно, что идти вдоль поселка не стал и метнулся домой прямо через жерди и огород бабки Насти. Полкан, здоровенный бабкинастин кобель, рванулся было разодрать Сёмке штаны, но вечер был ранний и цепь с пса еще не сняли. Полкан прордышался от врезавшегося в горло ошейника, обиженно гавкнул, потрянул мохнатыми ушами и ушел в будку с отчетливым выражением на чемоданистой морде: «разве можно работать в таких условиях?!»

А Сёмка влетел в родные сени, распахнул дверь, вдохнул знакомый затхлый домашний запах и обессилено прислонился к дверному косяку. Мать у стола шинковала капусту, брат с сестрой возились с какими-то обломками игрушек на продавленном диване.

– Ну чего, рыбки-то принес? – спросила мать, не поднимая головы. Сёмка молчал, и женщина опустила нож и взглянула на старшего сына. Сёмкино лицо было не бледным даже, а каким-то желтым, как будто бы вся кровь из него куда-то разом подевалась. Губы отчетливо голубели, глаза были как тряпочные пуговицы, а полы распахнутого ватника взлетали с каждым шумным вздохом.

– Сыну!.. Что?! – растерялась мать.

Она знала сына. Знала, что Сёмка может за себя постоять, неприятностей своих в дом не несет, обижать его в поселке вроде бы некому... И что же теперь?!

– Ничо, мам, ничо... – негромко сказал Сёмка и сполз спиной по притолоке, присел на корточки. Малыши на диване прекратили вырывать друг у друга обломки, притихли. Из спальни выглянула Люша, сестра матери. В руках у нее был носок, который она штопала.

– Василий! Василий!!! – заполошно крикнула мать, бросаясь в боковую каморку, где на топчане лежал отец семейства, как всегда, вдребезину пьяный.

Сёмкины посиневшие губы перекосила невольная усмешка – тоже мне, нашла мать поддержку. Легче с чурбаком во дворе поговорить...

– Ничо, мам, ничо, Люша, нормально, – повторил Сёмка, с трудом поднимаясь на ватных ногах. Встал и как-то разом понял, что никому и ничего про серый шар на Петровом Ключе не расскажет. Никому и ничего.

Глава 1. Витёк

Перекинув дужку помойного ведра через локоть, и зажав сигарету между пальцами, Витек нащупал спички в кармане пуховика и прислонился к перилам. Прикурил, затянулся, и тут же в горле запершило, снова подступил знакомый уже кашель. Витек несколько раз быстро и неглубоко вздохнул и решительно зашагал наверх, по пролету, ведущему к чердачной заколоченной двери. Там уж его точно никто не увидит и не услышит.

Когда-то у входа на чердак горела лампочка, но сейчас от нее остался патрон и венчик поблескивающих осколков. Вздохнув еще раз, Витек поставил ведро на ступеньку и аккуратно присел на вытертый коврик, который соседка принесла для беременной кошки, поселившейся весной в их подъезде. Не успев разродиться, кошка куда-то исчезла, а коврик так и остался лежать.

Снова приладив сигарету, Витек осторожно втянул теплый, ароматный дым, и на этот раз ему удалось не закашляться.

– Ага, получилось, – сам себе сказал Витек и тут же почувствовал, что сзади кто-то стоит. Разом вспомнились жуткие бандитские истории, которыми пугали мама, телевизор и одноклассники.

– А вдруг маньяк?! – по спине под свитером потекла неизвестно откуда взявшаяся струйка пота. Почему-то представилось, как он, Витек, уходит от маньяка кувырком вперед, вниз по лестнице. – Ну, тогда-то точно конец, – мелькнула рассудительная мысль.

– Зачем ты куришь, если тебе это не нравится? – прозвучал сзади тоненький девчоночий голосок.

От облегчения и злости Витек едва не выругался, но сдержался. Хотел было обернуться и одновременно вскочить на ноги, как делал кто-то из телевизионных героев. Не получилось. В результате оказался на четвереньках, да еще и проклятое ведро опрокинулось и покатило по ступенькам вниз.

Стоя на четвереньках и по-собачьи глядя снизу вверх, Витек окинул взглядом тонкую, светлую даже в полумраке фигурку, стоящую сбоку от чердачной двери.

– Как же я ее раньше-то не заметил?! – удивился он, ожидая, почти слыша уже девчоночий язвительный смех. Но девочка не смеялась. И сразу же молоточками застучали в голове вопросы:

– Кто она такая, ведь у нас в парадной она не живет? Что делает здесь одна, в девять часов вечера? Пришла с улицы? Но где ее пальто или хотя бы куртка? На улице всего плюс три градуса... И что это за странный голубой комбинезон на ней надет? Кто так одевается?

Любопытство буквально разрывало Витьку изнутри, но вместе с тем он понимал, что ни за что на свете не станет ни о чем расспрашивать странную девочку. Не его это дело, кто она и что здесь забыла. Его дело – быстренько потушить сигарету, подобрать ведро и идти домой, пока мама не хватилась и не позвонила Борьке Антуфьеву, которому он якобы понес тетрадь...

«Так мы сейчас и сделаем, – уговаривал себя Витек. – Вот сигарета, вот ведро, и все – прости-поощай, девочка в голубом комбинезоне...»

– Скажи, пожалуйста, у тебя поесть ничего нет?

Витьку, который уже начал спускаться по второму пролету, словно поддых кто врезал. В Санкт-Петербурге много нищих, и бомжей, и как бы беженцев, и других всяких. Мама иногда бросала им какие-то монетки, папа – никогда, и Витьку не велел, потому что, по его словам, каждый человек сам строит свою судьбу. Витек был с папой, в общем-то, согласен и никогда нищих и бомжей не жалел. Но девочка у чердачной двери не имела ко всему этому никакого отношения.

Витек в несколько прыжков взбежал по лестнице и остановился прямо перед девочкой, стиснув в ладони ручку помойного ведра.

– Что ты здесь делаешь? Откуда ты?

– Не знаю. Я не могу ответить, – девочка виновато пожала узкими плечами.

– Ты... не помнишь? – в голове Витька промелькнули какие-то телевизионные истории про людей, потерявших память.

– Нет. Я помню. Но – не знаю.

– Так не бывает, – решительно возразил Витек. – Вот где ты была вчера, позавчера, неделю назад – помнишь?

– Помню, – сразу же согласилась девочка. – Только не знаю. Неделю – это как?

Витек закусил губу и выругал себя за то, что ввязался в эту историю. На сумасшедшую девочка не похожа, но с другой стороны, откуда ему, Витьку, знать, как настоящие сумасшедшие выглядят. Он же в жизни ни одного не видел. Нет, надо было идти домой и... ну, в крайнем случае «скорую помощь» вызвать. Пусть бы врачи с ней разбирались, что она помнит, а что нет...

– Мне не нужен врач. Я здорова. Только очень есть хочется, – дружелюбно сказала девочка.

Витек чуть не подпрыгнул: она что, мысли читает?! И сразу же как обожгло: да она же инопланетянка!!! Все сходится – появилась неизвестно откуда, и голубой комбинезон, и неделю не знает... Где же ее корабль? И что же ему-то делать? По идее, надо бы сбежать за мамой, и еще кому-то сказать... ну, из Академии Наук, что ли, только как она-то на это посмотрит... возьмет и исчезнет... или Витька с собой заберет (в каком-то журнале про такое писали!) ... Что же делать-то?!

– Ты не мог бы чего-нибудь принести из дома? Если тебе не трудно. Может быть, хлеба... – вежливо напомнила о себе девочка.

– Ты... Я догадался! Ты – с другой планеты! – выпалил Витек.

– Ты так думаешь? Нет. Я, наверное, с этой планеты. Но с другой... нет, точно, – нет.

Мысли в голове Витька гонялись друг за другом, как щенки, играющие в дворовой пыли. В конце концов, ему удалось поймать одну, самую обыкновенную:

«Она же есть хочет! Надо ее сначала чем-нибудь покормить, а потом уж дальше расспрашивать. Но как? Позвать домой? Но что скажет мама, если он в девять часов вечера приведет с улицы эту странную девочку? А потом? Ей же, судя по всему, некуда идти...

Знаешь, мама, я тут девочку на лестнице нашел. Пусть она пока у нас поживет... Бред!»

– Подожди здесь, – принял решение Витек. – Я сейчас попробую стырить чего-нибудь погрязать и принесу тебе. Подождешь?

– Конечно, подожду, – согласилась девочка и рассудительно добавила. – Куда ж мне деваться-то?

– Ну как, отдал Боре тетрадку? – спросила мама, поднимая глаза от книги, которую читала.

– Да, да, – ответил Витек, стоя к ней спиной и аккуратно выкладывая в секретер эту самую тетрадь, взятую на улицу для конспирации.

– А чего не раздеваешься?... Витя! Почему ты пошел в кухню в грязных сапогах?! Сколько раз я тебе говорила...

– Я, мам, это... – растерянно забормотал Витек, заглядывая в холодильник и чувствуя, что его затея с треском проваливается. – Я проголодался очень... То есть кот хотел покормить... Котика... Там на лестнице. Жалко его...

Мама вошла на кухню вслед за сыном и остановилась возле стиральной машины, положив на нее раскрытую книгу обложкой вверх (так именно, как Витьку запрещали). На мамином

лице застывал вечерний крем и неподдельное удивление – Витек никогда не любил животных и не кормил бродячих котов.

– Все пропало! – подумал Витек и поежился при мысли о голодной девочке в холодном подъезде.

Однако на мамином лице неожиданно появилась педагогическая мысль, и к Витьку вновь вернулась покинувшая его надежда. Он знал, что когда маму посещают педагогические мысли, возможно все. Ему могут простить двойки по русскому и истории, купить абонемент в Филармонию на скучнейшие концерты, запретить видеться с лучшим другом, или позволить одному поехать через весь город на день рождения к дачному приятелю. Все зависело от направления мысли и той психологической книги, которую мама, серьезно занимающаяся воспитанием сына, прочитала последней. Витек искоса взглянул на книгу, лежащую на стиральной машине. На обложке длинноволосый красавец с резиновыми мускулами страстно обнимал пластмассовую блондинку, укутанную волосами и еще чем-то прозрачным. Витек вздохнул и стал ждать развития событий.

– Ну что ж, – сказала мама. – Я рада, что хоть чьи-то чувства стали тебя волновать. Пусть даже это не родители, и не близкие люди, а всего лишь бродячий кот. Надо же с чего-то начинать... Возьми в морозилке обрезки от печенки. Кот будет в восторге. Только не трогай его руками – у него вполне может быть лишай.

«Но я же не могу кормить эту девчонку мороженым мясом! – подумал Витек, доставая из морозилки маленький заиндевевший мешочек. – И отказаться не могу, потому что мама сразу же что-нибудь заподозрит. Почему бы ей не уйти отсюда?»

– Спасибо, мама, – елеинным голосом сказал Витек. – Коту наверняка понравится... Там, кажется, твой сериал уже начался...

– Витя! – подозрения отчетливо нарисовались на мамином лице поверх крема и педагогической мысли. – У тебя все в порядке? Что-то ты сегодня чересчур... заботливый...

– Нет, нет, все в порядке! – быстро ответил Витек и решительно открыл хлебницу. – Я вот еще кусочек хлеба возьму. Мне кажется, он его любит.

– Кто – кот?! – все больше недоумевала мама, но тут, на счастье Витька, слащавые позывные маминого сериала и вправду послышались из большой комнаты.

– Отдашь печенку и сразу – назад, – скомандовала мама, уносясь мыслью куда-то в Аргентину. – Не больше минуты!

Прыгая по ступенькам, Витек не увидел девочки и почему-то страшно испугался. Хотя чего, вроде, пугаться-то? Ушла и ушла, забот меньше... Но девочка никуда не ушла, просто присела на кошачий коврик, обхватив руками колени, и в этой позе показалась Витьку совсем маленькой. Что-то странно ворохнулось у Витька под ложечкой.

– Заболел, что ли? – недовольно подумал мальчик. – Этого еще не хватало! Эй! – окликнул он съезжившуюся фигурку. – Я тут тебе хлеба принес! Больше ничего не удалось спереть...

– Спасибо, – девочка подняла голову и снизу вверх взглянула на Витька. – Хлеб – это хорошо, – она медленно протянула руку, взяла обкрошившийся по краям кусок и начала аккуратно жевать.

Витьку было ужасно муторно, неудобно и хотелось на что-нибудь разозлиться. В конце концов, он разозлился на медленно таявшую в кулаке печенку – швырнул промокший мешочек на ступеньки с такой силой, что красные капельки забрызгали стену. Брезгливо, по-кошачьи отряхнул пальцы, потом вытер их об штаны.

– А что там? – девочка указала пальцем на мешочек.

– Печенка сырая, – объяснил Витек. – Я маме сказал, что хочу кота покормить, вот она мне и дала.

– Печенка – это тоже хорошо, – невозмутимо сказала девочка, уже расправившаяся с хлебом, гибко потянулась, подняла мешочек, развернула и спокойно откусила кусочек наполю-

вину разморозившегося мяса. Белые зубы блеснули в полутьме подъезда. – Витамины, – объяснила девочка Витьку, который силился проглотить застрявший в горле комок.

«Сумасшедшая – точно, – снова решил Витек. – Надо лиять отсюда. И побыстрее...» – Ну, я пошел? – обратился он к девочке.

– Иди, конечно, – сразу же согласилась девочка, – Ты ведь торопишься?

– Да нет, я-то ничего, – зачем-то стал оправдываться Витек. – Это мама. Она сказала: на минуту и назад. А сейчас уже...

– Иди, иди, – девочка кивнула, пальцем вытерла уголки рта, присела на коврик и снова обхватила руками колени. – Спасибо тебе за еду.

– А как же ты? – Витек понимал, что спрашивать об этом нельзя ни в коем случае, но все равно не удержался.

– Я? – девочка задумалась, как будто впервые задала себе этот вопрос. – Я, наверное, пока здесь посижу.

– А потом? – не отставал Витек, внутренне продолжая изо всех сил костерить себя за неуместное любопытство: «Куда ты лезешь?! Зачем? Ты же ничем ей помочь не можешь!»

Когда Витек был совсем маленьким, он любил разговаривать с большими бездомными собаками у метро. Разговаривал долго и уважительно. Собаки слушали внимательно, наклоня лобастые головы, а когда разговор был окончен, медленно вставали и трусили вслед за уходящим Витьком. С Витьковской мамой от их неуклонного бега делалась настоящая истерика:

– Уходи! Уходи, я тебе говорю! Пошел вон! Назад! Место! Витя, сколько раз я говорила тебе не приставать к собакам!

– Я к ним не пристаю, – с собачьей серьезностью отвечал Витек. – Я с ними разговариваю. Они меня слушают. А вы – нет. Вы говорите: перестань, помолчи хоть минутку!

Мама закатывала глаза, а вечером тормозила мужа:

– Виктор! Ну объясни ему как-нибудь! Я уже боюсь ходить с ним в магазин, подходить к ларькам, ездить в метро. Они как будто специально к нему сбегаются. И все такие ужасные, огромные, выше его ростом, из пастей слюни капаят, шерсть свалывшаяся. А потом бегут за нами, как привязанные... Я просто боюсь, понимаешь!

– Понимаешь, сын, – объяснял папа четырехлетнему Витьку. – Собака в норме – это домашнее животное. Мы не можем взять этих собак жить к себе в дом...

– Почему?

– Потому что у нас нет денег, чтобы всех их кормить...

– А одну?

– Даже одну собаку мы взять не можем. Это большая ответственность, ей нужна полноценная еда, длительные регулярные прогулки. Сейчас во всей стране сложное экономическое положение, поэтому так много больших бродячих собак. Хозяева просто не смогли их прокормить, – серьезно говорил папа, глядя в серьезные глаза сына – точно такие же, как у него самого. – Хорошо, если мы сумеем нормально вырастить тебя. Большую собаку нам просто не потянуть.

– А поговорить?

– Пойми, Витя, когда ты разговариваешь с ними, они принимают твой интерес за обещание взять их к себе домой, и потом бегут следом, чувствуя себя уже как бы твоими собаками. Ты их каждый раз разочаровываешь, обижаешь, причиняешь им боль – понимаешь, о чем я говорю?

Витек коротко кивнул и больше никогда не разговаривал с собаками. Ни с какими.

Потом, несколько лет спустя, мама предлагала ему завести рыбок, или попугая, или даже кошку. Витек отрицательно мотал головой, а на вопрос «Почему?» отвечал: «Просто я животных не люблю». Мама и папа неприятно удивлялись, переглядывались и вопросительно поднимали брови.

Сейчас, стоя на серой, холодной лестнице, он почему-то ярко, до цветной вспышки в глазах, вспомнил развалившихся на солнышке дворняг, их розовые языки, колтуны разноцветной свалывшейся шерсти на боках, капли голубой слюны в пыли на асфальте...

– Я не знаю, – сказала девочка и улыбнулась, словно извиняясь за свою неосведомленность.

– Так нельзя! – отбросил колебания Витек, развернулся и сделал шаг назад, снова поднявшись на одну ступеньку. Шагать куда-либо было совершенно ни к чему, но Витек отчетливо ощутил символическое значение своих слов и проистекающую из этого необходимость шагнуть. И в этом смысле шаг был не назад, а вперед. Назад шагов больше не было, их как бы отменили. И отчего-то Витьку стало легче жить, чем за секунду до этого.

– Жди меня здесь, я сейчас что-нибудь сделаю.

Девочка кивнула и посмотрела на Витьку с любопытством. Она была похожа на синичку-лазоревку. Витек подумал об этом, а потом сразу о том, что до сего момента он никогда не думал сравнениями. Только по заданию на уроках русского языка, но там у него не очень-то получалось.

Войдя, Витек аккуратно, не запирая, прикрыл дверь и крикнул в комнату:

– Мам, я пришел!

– Ах, дон Себастьян! – донеслось из комнаты. – Я не верила, что Вы способны предать свою любовь! Но теперь я вижу...

Витек прошел в кладовку, вынул из угла небольшой топорик и туристский коврик-пенку, выложил обе вещи на площадку и снова прикрыл дверь. Прошел в другую комнату, где за компьютером сидел папа.

– Замерз что-то, свитер возьму, – пробормотал Витек, открывая платяной шкаф. Папа на это заявление никак не отреагировал, продолжая стучать по клавиатуре. Кроме свитера, Витек взял черные джинсы и детскую шерстяную шапочку с пумпоном, которая случайно свалилась с верхней полки ему в руки. Положил вещи под зеркалом в прихожей, прикрыв маминой шалью, заглянул в кухню, взял еще кусок хлеба и огрызок сыра из масленки... Задумался, потом решительно вышел в прихожую, перевернул телефон, взял лежащую под счетчиком отвертку, отвинтил винты, пальцами замкнул контакт. Телефон оглушительно задребезжал, Витек едва не выронил его из рук.

– Кого? – выглянул из комнаты папа. Витек поспешно схватил трубку, загородил спиной вскрытый аппарат.

– Это меня, меня... Борька... Я сейчас...

– Ага, – согласился папа. – Только недолго. Мне почту отправить надо.

Витек быстро, с трудом попадая в прорези винтов, прикрутил крышку от телефона на место, покидал в пластиковый мешок вещи и еду и выставил его за дверь. Заглянул в комнату, где работал телевизор, изобразил на лице смущение:

– Мам, Борька задачу не может решить. И по телефону не понимает. Можно, я сбегая, ему объясню?

– Категорически нельзя! – не отрывая взгляда от экрана, отрезала мама. – Время – почти десять. Ему надо – пусть сам к тебе и приходит.

– Ну, мам, это же нечестно, – изо всех сил стараясь казаться спокойным, объяснил Витек. – Он давал мне тетрадь переписать, из-за меня так поздно сел решать. Теперь я должен ему помочь...

– Виктор! – крикнула мама в соседнюю комнату. – На улице ночь, он собрался куда-то тащиться, проводи его к Боре, пожалуйста...

– Я, между прочим, работаю! – огрызнулся папа. – И вообще – парню двенадцать лет! Мы в его годы... – тут папа запнулся, а Витек прикинул, что такого особенного мог делать папа

в свои двенадцать лет. Судя по фотографиям, он был таким же низеньким и щупленьким, как Витек. Да еще и очки носил. – Я в его годы!..

– Полком командовал! – донеслось из маминой комнаты. Папина спина передернулась так, словно ее кто-то пощекотал.

– Сиди работай, я быстро. Туда и сюда! Там всего одна задача. Ключ я взял, – сказал папе Витек, накинул старую куртку и выскользнул за дверь.

У чердачной двери он молча отдал сидящей девочке пенку и мешок с вещами. Сам взял топорик и изо всех сил ударил по замку. Замок звякнул и крутанулся в петлях.

– Надо открыть? – спросила девочка.

– Сейчас открою, – перевел дух Витек. – Переночуешь там. Завтра еще что-нибудь придумаем. – Он снова замахнулся топором.

– Не надо, – девочка поднялась, блеснув серебром комбинезона, и приложила к дырочке замка указательный палец. Секунду спустя дужка отломилась. Витек молча вынул замок и распахнул дверь. Руки у него слегка тряслись.

– Хорошо, что ты не спрашиваешь, – кивнула девочка. – Потому что я сама не знаю, как это получилось. А что в мешке?

– Тебе вещи. Мои, конечно, не девчоночьи, но сейчас все равно. Чтоб не замерзла. И хлеб еще.

– О, хлеб, хорошо! – оживилась девочка. – Я не замерзну. Но все равно – спасибо. Этот коврик – на нем сидят?

– Да, пенка, спать на ней. Еще вот куртку возьми, ей ночью укроешься, – Витек, поколебавшись, накинул куртку на узкие плечи девочки.

С шести лет он подавал пальто гостям женского рода, которые бывали у них в доме – папа считал, что мальчик должен расти джентльменом. Во втором классе во время культпохода в театр он подал пальто учительнице. Она очень удивилась и обрадовалась, и потом всем рассказывала, что в ее классе есть такой мальчик. У Витька от ее рассказов краснели кончики ушей и начинал чесаться нос. Раньше подавать пальто было неудобно, потому что все женщины были намного выше Витька. Теперь – все равно. С девочкой это получилось как-то иначе.

– Как тебя зовут? – спросил Витек.

– Ай! – сказала девочка.

– Что?! Что с тобой? – испугался Витек. – У тебя что-нибудь болит?

Кроме страха, мальчик испытал и облегчение, и стыд за него – конечно, девочка больна, ей надо к врачу, а все его дурацкие придумки с ночевками на чердаке – это все из фильмов, детских детективов и прочих... И надо сейчас же...

– Почему – болит? – удивилась девочка. – Ты спросил, как меня зовут. Я ответила. Меня зовут – Ай.

– Ай? – переспросил Витек. – Какое странное имя... Ты – не русская?

– Не знаю, – девочка снова пожала плечами. – Если имя не подходит, наверное – не русская. А ты – русский? Как тебя зовут?

– Витек. Виктор, если полностью. А у тебя полное имя есть? – внезапно сообразил он. Мало ли как девчонку дома или во дворе звать могут...

– Полное? Нет, наверное. Просто – Ай и все.

– Странно... Ну ладно, потом разберемся. Пойдем на чердак.

На чердаке было очень много пыли и голубиного помета, но самих голубей почему-то не было. Как будто бы они здесь жили много лет, а потом разом вымерли или улетели куда-то. В обычное время Витьку было бы интересно полазать по чердаку, поглядеть, но сейчас любопытство куда-то делось. Он быстро нашел теплую, сложенную из кирпича трубу и постелил возле нее пенку.

– Вот, здесь будешь спать. Здесь тепло. Курткой накроешься.

– Я не могу взять твою куртку...

– Бери и все. Я специально старую надел. У меня дома – новая. Я в той в школу хожу... Все, я побежал, пока меня дома не хватились. Завтра перед школой пожрать тебе занесу, а после школы – думать будем, что дальше делать. И не ходи никуда. Я снаружи замок повешу, как будто закрыто, чтоб бомжи или еще кто не полез – ладно?

– Ладно, – кивнула девочка, присела на пенку, обхватила колени и опять стала похожа на синичку-лазоревку.

Витек махнул девочке рукой и пошел к выходу. Уже на пороге обернулся и сказал негромко:

– Спокойной ночи... Аи...

– Спокойной ночи, Витек, – откликнулась девочка и улыбнулась.

Дома Витек убрал топорик на место, выпил для отвода глаз чаю с вареньем, хотя есть и пить ему совершенно не хотелось. Потом заглянул на минутку в ванну и пустил там горячую воду, чтобы в случае чего можно было сказать маме, что он уже помылся. После этого Витек пошел спать в комнату с компьютером.

У Витька с родителями на троих была двухкомнатная квартира с большими, хорошими комнатами и высокими потолками. И досталась она им после смерти одинокой маминной тети со смешным, но милым именем Зося. Витек тетю Зосю в своем раннем детстве очень любил и сейчас еще хорошо помнил. Мама тоже помнила тетю Зосю и каждый год в день ее рождения пекла пышный и невероятно вкусный пирог с рыбой и черемшой (тетя Зося была родом из Сибири и всю жизнь любила именно такие пироги).

– Вот, – говорила мама, поднимая рюмочку за упокой тети Зосиной души. – Только благодаря Зосеньке и живем в центре, в отдельной квартире, как белые люди...

Папа от таких разговоров почему-то ежился и норовил в день тети Зосинового рождения из квартиры сбежать. Может быть, ему тетя Зося чем-нибудь при жизни не нравилась.

В большинстве знакомых Витьку семей с детьми, у которых тоже были двухкомнатные квартиры, комнаты в квартире делились так: одна комната – родителей, другая – детская. В семье Витька все было по-другому. Была одна комната с компьютером (в ней работал папа, делал уроки и спал Витек), а другая комната с телевизором (в ней мама смотрела телевизор и спали оба родителя). Папа когда-то пытался вынести мамин телевизор на кухню, потому что кухня в квартире тоже была большая, целых 12 метров. Но мама этому проекту бурно воспротивилась, и долго кричала, что она и так проводит в кухне лучшие годы жизни и после работы хочет смотреть телевизор на своем собственном диване, а не сидя на табуретке, а засыпать под папино стуканье по клавишам она категорически не может. Папа что-то говорил про вредное электромагнитное излучение, но потом сдался, купил для монитора защитный экран, и поскольку работал он в основном по ночам, Витек каждый вечер по-прежнему засыпал под это самое «стуканье». В общем, оно ему совершенно не мешало, а если учесть, что до двух ночи и с шести утра под окнами, громяхая, ходили трамваи, так и подавно. От синеватого свечения экрана делались голубыми розочки на обоях в углу, в морозные и влажные дни искрились дугами трамваи, и по темному потолку пробегали быстрые серебряные тени. Вся обстановка в знакомой комнате делалась какой-то таинственной, и Витьку эта ночная комната нравилась, пожалуй, даже больше, чем дневная.

Только один разговор как-то тревожил воображение Витька. Года два назад папин приятель, моряк, «кавторанг», как он сам себя называл, оглядел далекие лепные потолки комнаты с компьютером и сказал: «Ты бы вот что, Витя, сделал. Построил бы антресоли. Высота позволяет, а вложений и строительных материалов надо – чуть. Все дело в умном проекте. Я видел в больших квартирах вроде твоей – здорово. И сразу места станет, считай, в полтора раза больше. Поселишь там сына, или, наоборот, себе кабинет сделаешь.» – В ответ папа кив-

нул другу-кавторангу и пробормотал что-то неопределенное. Две ночи Витьку снилось, как он залезает на антресоли почему-то по веревочной лестнице, наверху, широко расставив ноги на дощатом полу, берется за настоящий штурвал и... На третий день он спросил у папы: «Пап, а эти антресоли, про которые дядя кавторанг говорил, можно сделать?» – «Обязательно сделаем, хорошая идея, – ответил папа. – Когда свободные деньги будут...» – И Витек тут же забыл об этом, потому что время «когда будут свободные деньги» было в семье Савельевых очень похоже на время из народных поговорок типа «когда рак на горе свистнет» или «после дождичка в четверг»...

Свернувшись в клубок под одеялом, Витек думал о загадочной девочке Аи. Думать о ней почти не получалось, мысли с каким-то щекотным попискиванием разбегались в стороны. «Слишком мало информации», – решил Витек и стал думать о том, что он, пожалуй, нашел алгоритм. Про алгоритмы ему часто объяснял папа.

– Понимаешь, сын, – говорил он. – Людей, которые могут искать нестандартные пути и решения, на свете не так уж много. Ты к ним, скорее всего, не относишься. Хотелось бы верить, что – наоборот, но пока никаких данных... Но решать-то задачи приходится всем без исключения! Поэтому нужно изучать, узнавать и запоминать алгоритмы, то есть способы решения сразу многих, типичных задач. Вот есть такие задачи на нахождение процента от целого. Научился решать одну, понял ее (и неважно, сам ты догадался, подсказал тебе кто или в книжке прочитал) и все – дальше можешь сколько угодно таких задач решать, и никакая подсказка тебе больше не нужна. В жизни все, конечно, сложнее, но тоже свои алгоритмы имеются. Можно найти способ справляться, например, с дураками, или с хулиганами, или с девчонками...

– Мне с девчонками справляться не нужно, у меня с ними – нормально, – на всякий случай сообщил Витек, чтобы хоть что-то сказать.

Разговоры об алгоритмах были ему скучны. А вот мама почему-то от них заводилась, и говорила папе, что он сам неудачник, ему самому не повезло, и ребенка на то же самое настраивает, и чтоб Витек его не слушал, а поступал сам, как захочет, без всяких алгоритмов. Здесь Витек не понимал сразу обоих родителей. Школьные задачи по алгебре он решал без всякого труда, да еще и другим объяснял, а вот как можно было бы обобщить в один алгоритм всех хулиганов, а тем более – всех девчонок, на это у Витька даже гипотезы никакой не было. У папы, похоже, тоже. Так что вроде бы права мама. Но какой же папа неудачник? Работает в компьютерной фирме, на работе его ценят, переписывается по e-майлу почти со всем миром. Не понятно. И в чем папе не повезло? Может, ему не повезло с Витьком? Когда Витьку исполнилось 10 лет, папа отдал его компьютерный клуб к какому-то своему другу программисту. Витек к тому времени уже умел писать простые программы, но больше любил книжки читать и решать задачки из «Занимательной математики» Перельмана. А модного Остера совсем не любил, хотя папа и говорил, что это «новое, нестандартное мышление». Через полгода папа с другом-программистом серьезно поговорил. Друг сказал, что Витек старается, и все задания выполняет чисто и хорошо, но искры божьей от программирования в нем нет и винить за это мальчишку глупо. Папа как-то сразу к компьютерному клубу охладел, ничего Витька о нем не спрашивал, и Витек туда потихоньку ходить перестал, хотя всей этой истории так до конца и не понял. Может, папа хотел, чтоб Витек хакером стал и банки грабил? Тогда в семье сразу появились бы «свободные деньги»... Но это тоже вряд ли, потому что и папа, и мама воров очень ругают. Особенно когда телевизор смотрят, и там депутаты выступают. Ничего не понятно...

Но вот сейчас под одеялом Витек вроде бы нащупал алгоритм, из тех, про которые говорил папа. То есть он его еще раньше нащупал, на лестнице. Когда сделал шаг. Алгоритм в первом приближении получался таким: если есть выбор, вмешаться в ситуацию или нет, достаточно сделать хоть что-нибудь, и остальное потянется за ним, как нитка за иголкой. Значит, все силы на первый шаг. Запомним. (Витек не знал, что таким образом он как бы самостоя-

тельно «переоткрыл» утверждение из древнего кодекса японских самураев: «Если не знаешь, что делать, делай шаг вперед»)

На следующий день в школе перед уроками Витек отдал Борьке Антуфьеву сразу две тетрадки по алгебре, его и свою. Они так заранее договорились – Витек списывает у Борьки пропущенные из-за ангины уроки, а Борька у Витька – домашнее задание. Борька пристроился списывать на широком туалетном подоконнике, а Витек из-за Борькиного плеча объяснял ему задачу. Борька вроде бы понимал, но с трудом. Если вызовут с места, что-нибудь скажет, а вот если к доске – неизвестно. Нехорошо. Витек нервничал, но больше не из-за Борьки, а из-за девочки Аи. Одному ему с ситуацией не справиться – это ясно. Кто может помочь?

– Боб, Витек, привет! Дымить будете? – в туалет зашел одноклассник мальчиков Владик Яжембский по кличке Баобаба. Борька от предложенной сигареты отмахнулся – некогда, мол, Витек как бы просто не заметил. Баобаба грациозно заглянул в тетрадку поверх витьковой макушки, и явно заинтересовался увиденным. – Чего это у вас тут? О! Задание по матеше? Дайте-ка я тоже скаваю. Боб, подвинься...

– Постой, Баобаба, дай я тебе хоть задачи объясню, – предложил Витек спустя некоторое время. – Чего ты без толку пишешь – не понимаешь же ничего. А спросят?

– Пошел ты, Витек, со своими объяснениями, – лениво отозвался Баобаба, выпрямляясь во весь свой огромный рост и потирая поясницу. – Ты же знаешь, мне это по сараю...

– Вот выгонят из гимназии – будет тебе «по сараю»! – мстительно пригрозил обидевшийся Витек.

– Баобаба не выгонят, – сказал Борька, который переписывал последний пример. – А него папа – спонсор. А детей спонсоров не выгоняют – не знаешь, что ли?

– Угу, – удовлетворенно прогудел Баобаба, который в общем-то был пацаном скорее добрым, чем злым, и сейчас чувствовал некую неловкость в отношении незаслуженно обиженного им Витька. – Хочешь, Витек, я тебе десятку дам за беспокойство?

– Как-кую десятку? – вытаращил глаза Витек.

– Обычную, бумажную, – терпеливо разъяснил Баобаба. – Ты вот половине класса за бесплатно списывать даешь, да еще и на контрольных решаешь, а мог бы это... хороший бизнес делать...

– Как-кой бизнес? Деньги, что ли, брать?! Да ты с ума сошел, дерево несчастное!

– Сам ты дерево, – вяло рассердился Баобаба, продолжая между делом механически переписывать пример. – Клен опавший. Ты не берешь, другие берут. Мне в прошлом году Воробей весь последний триместр алгебру и физику решал, так я и горя не знал. В этом году еще не сговорился, все лень... Хотя надо бы... Двоек уж нахватал, папаня грозитя...

– Как-кой воробей? Почему воробей?

– Да ты что, дебил, что ли! – не выдержал Баобаба. – Заладил «как-кой, как-кой». Серенький такой, знаешь, крылышками «бьяк-бьяк-бьяк»...

– Из параллельного класса Воробей, Кирилл Воробьев, знаешь? – пояснил Борька и спросил с любопытством. – А сколько ты ему платил-то, Баобаба?

– Ну, так по десятке за раз, – солидно уронил Баобаба. – Что ж ты думаешь, я жмот, что ли, Витьку меньше предложил? Если они контрольную раньше нас писали, и он мне вариант решенный передавал, за это – полтинник. В месяц рубликов четыреста набегало. А у него мать 800 получает, считай сам. И мне хорошо, и ему. В чем проблема-то, Витек, скажи мне, дереву несчастному...

– Да пошел ты! – Витек безнадежно махнул рукой, а Борька о чем-то глубоко задумался.

– А выгонят, не выгонят – меня это не парит, – продолжал рассуждать раздухарившийся Баобаба. – Выгнали б, мне, может, и лучше, я б в спортшколу пошел. Меня тренер лично звал три раза, чеес слово, у меня данные по тяжелой атлетике. Я в толчке и в жиме брал больше,

чем средняя группа. Тут питание, конечно, важно. А меня маманя на диете держит, чтоб не толстел... Папаня говорит: иди, качайся, будешь нормальным быком, все равно не учишься ни хрена. А я качаться не хочу, я штангу тягать хочу. Мне нравится, когда – я и она, она и я. И вот я выхожу, а она на меня железными глазами смотрит и смеется: куда тебе меня победить! А я так аккуратно ее беру и... Понимаешь, Витек? Да где тебе...

Витек ничего не ответил, молча забрал тетрадку и убрал ее в сумку. Баобаб тут же снова вытащил сигареты. На этот раз Борька не отказался. Витьку тактично предлагать не стали – видно было, что он переживает из-за предложенной десятки. И разговаривать совсем не расположен. Хотя, как это ни смешно, как раз Витек-то Баобаба понимал. Потому что так же, как Баобаб на штангу, сам Витек «выходил» на трудные задачи по алгебре.

Все уроки он думал о стоящей перед ним совсем не математической задаче. И каждый раз решение находилось только одно. У решения был недостаток: Витька оно категорически не устраивало. У решения было имя: Лиза Ветлугина; и была кличка – Капризка.

Вместе с Капризкой Витек ходил в детский сад. Потом на подготовительные курсы в математическую гимназию с углубленным изучением английского языка. Потом были экзамены. Витек на экзаменах не блистал, но в гимназию поступил. Капризка – нет. Витек хорошо запомнил, как он стоял возле вывешенных в вестибюле списков и в двадцатый, наверное, раз читал свою фамилию. А на скамейке в углу рыдала Капризкина мама тетя Света. Витек тогда удивился, потому что тетя Света всегда была веселой и ужасно красивой, а сейчас у нее распух нос и размазалась тушь. Рядом со скамейкой стояла Капризка в клетчатой куртке. Капризка не плакала, только глаза у нее были какие-то мохнатые. Витек подошел к Капризке и сказал:

– Подумаешь, не поступила! В другую школу пойдешь – еще лучше.

– Провались ты! – сказала Капризка сквозь зубы.

Витек подумал и решил на Капризку не обижаться.

Осенью, первого сентября, шел дождь и дул ледяной ветер. Придя на школьный двор, Витек сразу же увидел Капризку все в той же клетчатой куртке. В ее руках был большой букет гладиолусов. На мгновение Витьку показалось, что этот букет охладил воздух во всем городе. Он засмеялся и спросил у Капризки:

– А ты чего тут? Ты ж не поступила.

– Тебя не спросила, – огрызнулась Капризка.

– Понимаешь, Витенька, мы потом досдавали, летом, – объяснила стоящая рядом тетя Света и улыбнулась так, как будто Витек прямо сейчас принимал у нее какие-то экзамены. – Вот Лизу и взяли, на резервное место.

– Хорошо, – улыбнулся в ответ Витек. Тетя Света снова была очень красивой, и это ему понравилось.

А вечером, на кухне, когда родители стали обсуждать, каким именно способом тете Свете удалось просунуть свою дочь в гимназию, Витек сказал:

– Она летом экзамены сдала. И ее взяли на резервное место. Так тетя Света сказала. Так и было. – Витек вдохнул и выжидающе поглядел на родителей.

Мама открыла было рот, чтобы что-то сказать, но папа приложил палец к губам и мама промолчала. Витек выдохнул и начал есть творог со сметаной.

Витек с Капризкой дружили еще в детском саду. В школе они сели за одну парту и тоже дружили. Вместе ходили в гимназию и обратно. Менялись завтраками: Капризка ела Витьковские бутерброды, а Витек – неизменный йогурт, который давала дочери тетя Света. Если Капризка вспоминала, то отдавала Витьку свой мешок. Витек носил его вместе со своим.

– Ты у нас джентльмен, никогда девочек не обижаешь, – говорила тетя Света и гладила Витьку по голове. Рука ее шуршала по стриженным волосам и пахла незабудками. – Будешь мою Лизу защищать?

– Буду, – соглашался Витек и слегка краснел, потому что по правде получалось наоборот. Это Капризка его защитила, когда огромный Владик (тогда он еще не был Баобабом) приподнял Витьку за шкирятник и собирался вмазать за то, что Витек случайно наступил ему на ногу в очереди в столовой.

– Только тронь его! Только тронь! – заверещала Капризка. – Я учительнице расскажу, а потом сама тебе все глаза выцарапаю. Будешь с палочкой ходить и по стенкам стучать! И в метро с шапочкой стоять!

Ошеломленный нарисованной картиной Владик машинально отпустил Витьку. Витьку очень хотелось сразу убежать, но он понимал, что это будет нехорошо, и поэтому встал между Владиком и Капризкой. Владик задумчиво смотрел поверх Витьковской головы (о самом Витьке он тут же забыл, ибо больше одной мысли в его коротко стриженной голове не помещалось) и долго подбирал слова для ответа Капризке. В конце концов, так и не придумав ничего достойного, махнул пухлой рукой, сказал:

– Да ну вас, придурки! – и ушел, косолапо переваливаясь и дожевывая пятый пирожок.

– Спасибо, – сказал Витек Капризке.

– Сам дурак, – ответила Капризка и неожиданно разревелась. Словами Витек утешать не умел, но отдал ей свои бутерброды и купил в буфете полоску. Все это Капризка молча съела вместе со слезами. Она всегда была тощей, но ела много и быстро, гораздо больше Витька. Куда только в нее помещалось?

В пятом классе Капризка вдруг с Витьком раздружились. Когда он к ней подходил и пытался заговорить, она только фыркала и отворачивалась к девчонкам. А потом они все вместе над чем-то смеялись противным скрипучим смехом. Витек полагал, что скорее всего – над ним. Кому это надо? Витек решил, что он тоже с Капризкой больше не дружит, но на всякий случай попробовал спросить у мамы, что, собственно, случилось.

– Не бери в голову! – ответила мама. – Тоже мне – сокровище нашел. Раздружились – и слава Богу. Будешь с другими девочками дружить.

Витек не хотел дружить с другими девочками, потому что больше половины жизни дружил с Капризкой и как-то к ней привык, но спорить с мамой не стал, потому что вообще спорить не любил, и по-настоящему заводился только тогда, когда речь шла о задачах по математике. А Капризка и ее неожиданная враждебность – это, хотя и задача, но не по математике. И Витек отложил ее решение на потом. Когда-нибудь.

А вскоре Витек заметил, что и другие девочки в классе, которые с мальчиками дружили, с ними раздружились, и решил, что это – алгоритм. Чего и думать? И стал Витек ходить в школу с Борькой Антуфьевым или вообще один. Сначала без Капризки было скучно, потому что она всегда что-то придумывала, а потом ничего – привык. Даже лучше – идешь себе спокойно и задачки решаешь.

И вот теперь получалось, что без Капризки ему никак не обойтись. Ведь Аи – девочка. Рассказать о ней кому-нибудь из мальчишек? При мысли о том, что именно скажут в ответ пацаны-одноклассники, как они будут ржать и на что намекать, Витек почувствовал, как у него заледенели пальцы. И еще какой-то противный звук – ах, это он сам зубами скрипит. Нет, мальчишкам рассказывать нельзя. То есть, некоторым можно, конечно. Альберту или Варенцу, например. Эти смеяться не будут. Но чем они помогут? Кроме Интернета своего, ничего не видят и не знают, скоро друг с другом через модем общаться будут. Да и сам Витек не лучше, даже не представляет, что этой самой Аи нужно. Еда, конечно, одеяло... У нее же совершенно ничего нет. И из одежды. Свитер и брюки Витьковские подойдут, но ведь надо еще... белье же у девчонок совсем другое... в этом месте своих размышлений Витек неожиданно задохнулся и зажмурился так крепко, что заболели веки.

После уроков он решительно подошел к стайке девчонок, столпившихся у раздевалки. Они что-то обсуждали в кругу и, чтобы обратить на себя внимание, Витьку пришлось посту-

чать Капризку по спине. Все девчонки разом обернулись и уставились на Витька одинаковыми круглыми глазами. – «Как совы в Зоопарке» – подумал Витек.

– Капризка, давай отойдем, – сказал Витек, глядя на девчонок снизу вверх, потому что почти все они были выше его ростом. – Разговор есть.

«Пошлет ведь, непременно пошлет. Это ж Капризка! – мелькнула паническая мысль. – Что ж тогда делать-то?!»

Девчонки, опомнившись, начали потихоньку подхихикивать, как будто заводились моторы игрушечных мотоциклов: «Хи. Хи-хи. Хи-хи-хи-и...»

– Пойдем, – внимательно оглядев Витька с головы до ног, сказала Капризка. – Сейчас я куртку в раздевалке возьму и пойдем. Подержи сумку.

Глава 2. Братья Лисы

– Ну, Андрей Палыч, чем сегодня богаты? – Виктор Трофимович дожевал домашний пирожок, вытер уголки губ носовым платком и взглянул на молодого милиционера безо всякого интереса.

– Опять двух алкашей обработали.

– Живы?

– Один жив, в больницу отвезли, а другой лежал головой в луже, то ли сам захлебнулся, то ли...

– Ясненько-колбасненько, мир его заблудшей душе...

– Я не понимаю, Виктор Трофимович, чего они там думают! – в голосе милиционера неожиданно зазвучали смешные капризные нотки. – Это же пятнадцать случаев за полгода! Надо что-то делать!

– Надо, – равнодушно согласился Виктор Трофимович и почесал лысину. – Пирожок хочешь? Еще один с капустой остался. Ангелина вчера пекла...

– Да не хочу я пирожок! – молодой милиционер явно заводился. – Пусть они бомжи, пусть алкаши, но ведь – тоже люди. Граждане, в конце концов. А старушки, у которых пенсию отбирают? Закон-то для всех един!

– Чего ты от меня-то хочешь, Андрей? – рассудительно спросил Виктор Трофимович. – Я – участковый. Я сто раз сигнализировал, десять раз ориентировку давал, все, что знал, рассказывал всем, кто спрашивал. Дела, сам знаешь, не я завожу, не я веду.

– Но ведь вы знаете, я знаю, все знают...

– И ты знаешь? Ну хорошо, тогда расскажи мне, старому, что с этим делать? Или хотя бы как сделать так, чтобы они все под суд пошли. А я потом, так и быть, следователю с опергруппой перескажу...

– Да ведь на каждый случай по десятку свидетелей!

– Чего свидетелей? Как кто-то кого-то бил? Ну и что с того? Опознать-то эту рвань наверняка все равно никто не может. Они же в темноте все одинаковые. Да и боятся люди. Они же – стая. А у всех – жены, дети...

– Господи, бред какой-то! Сами же первые должны быть заинтересованы, чтобы эту погань извели...

– Ты что, Андрюша, осуждаешь кого? Не знаешь, как люди живут?

– Да не жизнь это вообще, если так!

– Ну, ты молодой, попробуй в Финляндию эмигрируй. Там, рассказывают, все как у нас, только спокойно... Выучишь финский язык, женишься на финке, нарожаешь финчат, будешь им на ночь «Калевалу» читать...

– Да прекратите вы издеваться, Виктор Трофимович, без вас тошно! Неужели ничего с этими... этими... сделать нельзя?

– Отчего же нельзя? Можно. Пробуем помаленьку. Рано или поздно сделается.

– Да откуда они вообще взялись на нашу голову?!

– Кто? Лисы? Бригада их? Дак они местные, ниоткуда не взялись. Младший вообще тут родился. Ну, а то, что вокруг них, так это, сам понимаешь, по-разному. Кто из поселков вокруг, кто – наша голытьба, а есть, говорят, и из Питера...

– А началось-то с чего? Когда?

– Началось, Андрюша, когда тебя здесь еще не было. Ты тогда еще в школе своей учился. Когда точно – не помню, потому что и мы не сразу въехали. Беспризорников-то у нас с начала перестройки хватает, да и прочие всякие шалили всегда. Вон, у перекрестка, где 17 училище, да

«тройка», да техникум сельскохозяйственный – редкое воскресенье, чтоб кому-нибудь башку не проломил, или еще чего похуже.

А братья Лисы – это особая история.

– Сколько их всего-то? Я разное слышал.

– Всего их трое. Из наших клиентов – один, Старший Лис. Второй подрастает – Младший.

– А еще кто? Средний?

– Не. Еще есть Большой Лис.

– Запутался. Кто ж из них старший-то?

– Старший – Старший и есть. Большой Лис – больной, умственно отсталый. А Старшего ты живьем видел?

– Нет, на карточке только. Я еще подумал, что он на зверька какого-то похож. Злобного.

– Впечатляющее зрелище, я на суде видел.

– Так суд был?!

– А ты как думал? Совсем милиция мышей не ловит? Полтора года назад. Все фигуранты – несовершеннолетние. Лисы – это вообще песня. В Питере огромная статья была, в Комсомолке, кажется. Называлась: «Дети платят за грехи отцов».

– Ну, и чем кончилось?

– Да ничем. Какое-то количество в колонию пошло. По Старшему Лису ни одного эпизода доказать не удалось. Следствие на пупе извернулось, привязали что-то. В колонию его не взяли, сунули в больницу. Большого Лиса – в интернат. Младшего – в детдом.

– А потом?

– Потом – Старший из больницы сбежал, отрыл где-то заначку, или грабанул кого по дороге. Выкупил Большого из интерната. А Младшего они совместно из детдома попросту украли. Ну, он сам не шибко сопротивлялся, потому что братья...

– А почему – Лисы?

– Так они и вправду – Лисы. Фамилия такая – братья Лисс. Немцы они по отцу. Ты не знал? А как их зовут – знаешь? Генрих, Вальтер и Иоганн. Вот так. Папаша ихний один из первых предпринимателей был в нашем Озерске. Ресторан держал, и бензоколонка на въезде, и еще что-то. К лесу подбирался, расширяться хотел, тут что-то и застопорилось. Пересеклись интересы, то ли с питерскими бандюганам, то ли вообще с международниками. Кокнули его вместе с женой, дай Бог памяти, году в 96... Убийц, яшенько-колбасенько, не нашли...

– А дети? Как же их-то?

– А они сбежали. И где-то почти год хоронились. Я так думаю, что у Старшего-то точно крыша от всего этого отъехала. Судя по его последующим действиям.

Больше всего на свете Генка ненавидел общественный транспорт. Вонючие, замасленные куртки, полузастегнутые ширинки, шершавые пальто, пояса которых царапают щеки, огромные сумки, которые норовят поставить тебе на голову... Неужели придется ехать?!

И еще проблема – менты. Ментов Генка ненавидел тоже. Еще он ненавидел алкашей, стариков и старух, бомжей, бандитов, теток, от которых воняет духами, ухоженных, чистеньких детишек с портфельчиками и без – в общем, устав от перечисления, можно сказать, что Генка ненавидел почти весь мир. В этом жутковатом калейдоскопе Генкиной ненависти было два исключения: Валька и Ёська. Теперь вот еще Вилли появился. Генка изо всех сил старался, чтобы об исключениях знало как можно меньше народу. Любая привязанность – это слабость, ниточка, за которую можно потянуть. Генка категорически не желал, чтобы кто-нибудь тянул его за ниточку. Генка желал дергать за ниточки сам.

Прежде, чем что-то решать, следовало отыскать Ёську, поговорить с ним. Найти Ёську просто – навверняка с новой книжкой у пруда сидит. Спрыгнув со стула, Генка распахнул дверь

и на несколько секунд замер на деревянном высоком крыльце, готовясь к спуску. Справа между стволами сосен поблескивала поверхность озера, слева стояли три заколоченных корпуса, а прямо перед Генкой, метрах в пяти от крыльца, маячил скрытый под зеленой крышей умывальник с семью расположенными в ряд кранами и жестяным желобом для стока воды. Пахло водой и опавшими листьями. Генка вдохнул терпкий осенний воздух и, кряхтя, начал спускаться с крыльца.

Ёська лежал на мостках на животе и заворожено глядел в глубину пруда. Раскрытая и придавленная палкой книга покоилась рядом. Тут же стояло две стеклянных банки, в которых копошилось что-то умеренно отвратительное.

– Ты смотри, Генка, это наверняка – водяной скорпион, – не оборачиваясь, сказал Ёська, узнав брата по шагам. – Вон там, на картинке, сравни. А это у него дыхательная трубка торчит... Мне первый раз попался. Он на гнилой лист похож, его не видно, так и в книжке сказано. Но я подстерег, когда он пошевелился... Здорово, правда?

– Отличный водяной скорпион, – сдержанно согласился Генка. – Оторвись от них маленько, разговор есть.

– Чего, опять жрать? Я не хочу, – закапризничал Ёська и обернулся. Круглый белобрысый затылок сменился на не менее круглую и белобрысую мордашку. – Пусть Валька лопают. Так, как ты меня кормишь, только землеройки едят. Я читал...

– Не про жратву речь, слушай сюда, – тяжело уронил Генка, глядя на брата холодными как вода глазами. Ёська мигом подобрался, сел, подтянув под себя ноги. – Вилли-новичка видел?

– Да, видел, – серьезно кивнул Ёська.

– Как тебе?

– Мне он понравился, – от капризности не осталось и следа, Ёська тщательно подбирая слова, поглядывал на брата с нескрываемой опаской. – Он хорошо говорит, интересно.

– Его история – все брехня, верно?

– Пожалуй, да... – Ёська еще больше съезжился под тяжелым Генкиным взглядом.

– «Подснежник», ты думаешь? Чей? Пацан ведь совсем...

– Не «подснежник», нет! – Ёська энергично замотал круглой головой. – Он один, совсем один, никого за ним нет – я чувствую.

– Зачем тогда брешет?

– Не знаю. Может, по голове ударили? Может, хочет чего?

– Угу! – Генка удовлетворенно кивнул. – Хочет. Хочет, чтобы мы ему сестру нашли.

– Какую сестру? Где? Почему – мы?

– Третье – понятно, – Генка сплюнул в воду и замысловато выругался. – Все, даже менты, знают, как я братцев опекаю... чтоб вам всем провалиться!

– Если мы провалимся, ты, Гена, совсем озвереешь, – серьезно сказал Ёська, глядя куда-то в сторону озера.

– Зверю жить лучше...

– Но ты – человек...

– Я – не человек! – неожиданно сорвался на крик Генка. – Давно не человек! И не был никогда! Я – урод!

– Прекрати, пожалуйста, – тихо попросил Ёська. – Если бы не ты, мы с Валькой уже пять лет как в земле гнили...

– Ладно, – Генка взмахнул рукой, мимоходом утерев глаза. – Проехали. Соль в том, что этот сучонок, этот лживый язык Вилли обещает тебя вылечить.

– Почему – меня? А тебя? А Вальку? – вскинулся Ёська. – Как – вылечить? Он что, врач, колдун? И откуда он знает? Я ему ничего не говорил...

– В том-то и дело! Если бы он про меня или про Вальку заикнулся, я бы ему язык поганый тут же на сучок насадил и на ветку намотал. Потому что про нас и так все ясно. А про тебя он

не знал. И не спрашивал ни у кого – я выяснял. Сказал: я сам вижу по каким-то там признакам. Диагностика такая. То есть: или «подснежник» с готовой информацией или... или в этом что-то есть...

– Генка... – голубые Ёськины глаза, явно против воли мальчика, стали умоляющими и похожими на собачьи. – А чего он за это хочет-то?

– Говорит, найди мне сестру, а я тебе брата вылечу. Я сам ничего у вас не знаю, поэтому у меня не получится. Либо это все тонкий расчет и наглость такая, что... – Генка выругался еще раз. – Либо... либо правда, Ёська! Такой вот расклад получается... И если ты чувствуешь, что он – один...

– Гена, давай хотя бы попробуем, а? – Ёська вскочил на ноги и сверху вниз взглянул на брата. – Но... но кто же он тогда получается, Вилли этот? Инопланетянин, что ли? Или волшебник?

– Да я сам ничего не знаю! – Генка с досадой стукнул кулаком одной руки по ладони другой. – И он, сучонок, молчит. Бормочет что-то такое, что, мол, сам не понимаю, как все это вышло, но только – вот так...

– Так может, он все это придумал? Ну, вроде Валькиной козы. Помнишь, Валька в прошлом году рассказывал, что в лесу козочку встретил, беленькую, с рожками? Даже ты тогда поверил...

– Ну, если придумал, так я его... найду, в общем, что с ним сделать... Но видишь, в чем штука, Ёська: Вилли этот замки пальцем открывает.

– Как это?!

– Мне пацаны рассказали, я не верил, велел показать. Он показал: прикладывает палец к замку, тот через полминуты где-то открывается. Никогда в жизни такого не видел, и не слышал даже...

– Жуть, Генка! Что же делать-то будем?!

– Да я и сам не знаю, – признался Генка. – К тебе вот, видишь, советоваться пришел. Больше-то не к кому...

– Ген, может, он сбежал откуда? Я в газете читал, есть такие секретные центры, где всяких таких собирают... Может, он как раз – такой? Может, он и тебе помочь сможет, и Вальке...

– Да это-то нам по барабану. Сбежал, не сбежал. Врет или не врет? – вот в чем вопрос. Может он тебя вылечить или туман гонит? С другой стороны подумать: найдем мы ему эту сестру, куда он от нас денется? Придется обещание выполнять, иначе им с сестрой лучше на свет родиться – это он понимает, не дурак вроде. Значит – может?

– Гена, давай пока будем считать, что он просто волшебник, а? – попросил Ёська, и сразу стало видно, сколько ему на самом деле лет – десять, одиннадцать, не больше. – Ну, столько всего написано про чудеса – бывают же они хотя бы иногда, правда? Иначе про что писать? Редко, я понимаю, но бывают же! Хотя бы одно чудо на всю жизнь!

– Да, Ёська, наверное, так, – пробормотал Генка, закрыл глаза и с силой потер лицо сжатыми кулаками. – Наверное, так. Лови своих скорпионов, а я буду думать, как его сестру искать.

– Ой, Генка, здорово! – обрадовался Ёська и даже подпрыгнул на вздрогнувших мостках. – Я знаю, ты что-нибудь обязательно придумаешь. Ты – самый лучший брат на свете! – закончив комплимент ослепительной улыбкой, Ёська снова растянулся на мостках и склонился над своими банками. – Смотри, смотри, Генка! – тут же завопил он. – Он трубку наружу выставил, чтобы дышать. Смотри!

– Сам смотри! – грубовато ответил Генка и потрепал брата по коротко стриженной макушке. – Пока! Волшебник... Щенок еще... – пробормотал он себе под нос, сходя с мостков и карабкаясь по вырубленным в берегу ступенькам.

В комнате было три небольших окна без подоконников. Бежевые обои с сиреневыми завитушками по углам отстали от стен, обнажив затканые паутиной доски. Прямо над застеленным газетой столом глуповато хмурилась с плаката певица Наталия Орейро. Валька сидел за столом, положив на газету круглые голые локти, и сыпал сахар на ломтик лимона, плавающий в поллитровой банке с чаем. Рядом лежал наполовину съеденный батон.

– Оп! Опять перевернулся! – сказал Валька, внимательно пронаблюдал, как кристаллики сахара оседают на дно банки, и зачерпнул новую ложку из треснувшей сахарницы с ядовито-синими васильками на боку. – Теперь сюда насыпать...

Генка вошел в комнату и сел на железную кровать, аккуратно заправленную клетчатым байковым одеялом.

– Помнешь, Гена! – укоризненно сказал Валька.

– Ничего, потом уберу, – Генка стряхнул башмаки и улегся на кровати, подложив под спину подушку без наволочки.

– У тебя температуры нет? – внезапно забеспокоился Валька и замер с ложечкой руке. – Если температура, надо таблетку пить. Хочешь чаю с лимоном?

– Ничего не хочу, Валька. Не дергай меня. Мне подумать надо. Пойди лучше погуляй. Там у пруда Ёська каких-то страшилищ ловит.

– Не люблю страшилищ – боюсь! – энергично замотал головой Валька. – Ты думай, а Валька будет булочку кушать...

– Валька! – устало прикрикнул Генка. – Как надо сказать? Кто будет кушать?

– Я буду кушать булочку, – подумав, сказал Валька. Генка кивнул, прикрыл глаза и расслабил сведенные судорогой мышцы.

И тут же перед внутренним взором почему-то возникла картина, которую Генка не вспоминал уже много лет: освещенная солнцем чинара посреди вымощенного известковой плиткой двора, ослепительно голубое небо над ней, белый забор. По веткам чинары скачут взад-вперед скворцы-майны и оглушительными криками приветствуют наступившее утро. Черные перья, ярко-желтые клювы на фоне пыльной серо-зеленой листвы. Вдоль забора в тени тополей журчит арык...

Все это было так невозможно давно... Казахский город Джамбул, дом, в котором Генка родился. Огромные деревья и забор до неба. Косые взгляды отца, его шатающаяся походка по вечерам, слезы матери... Маленький Генка пытается успокаивать мать, лезет ей на колени, чтобы погладить лицо, вытереть слезы. Но при взгляде на Генку мать почему-то начинает плакать еще громче и отчаянней. Потом откуда-то появляется сверток в шелковом одеяльце, который оказывается Валькой.

Отец, трезвый и довольный. Мать, сияющая, как небо. Смотрит на сверток с Валькой так, как никогда не смотрела на Генку.

– Вот тебе братик. Он будет играть с тобой.

Дети на улице почему-то не играют с Генкой. Только одна девочка по имени Назия позволяет ему быть ее куклой. Она одевает Генку и повязывает ему банты. У Назии широкое смуглое лицо, она добрая, но от ее рук и волос всегда пахнет кизяком и еще чем-то кислым. Генка – брезгливый, у них дома всегда чисто, мама почти непрерывно моет полы и протирает тряпкой пыль. В Джамбуле очень много пыли, потому что ветер приносит ее из пустыни.

Валька очень большой, спокойный, много ест и много спит. С ним совсем невозможно играть. Он даже не интересуется игрушками, как все другие младенцы. Если всунуть игрушку ему в руку, то он колотит ею по бортику кровати или себе по голове.

Приблизительно в это время Генка начинает не только видеть и слышать, но и думать. Ему семь лет, в семь лет дети идут в школу. Ему говорят: куда тебе?! Генка умеет читать по-русски и по-казахски и считать до двадцати. Он читает газету «Джамбульская правда» и

детские книжки, которые покупают Вальке. Валька книжки не смотрит и не слушает, он их жуёт.

По вечерам мать и отец кричат друг на друга. Генка подслушивает за дверью, пытается разобраться. Отец говорит, что надо уезжать из Казахстана в Россию, что здесь жизни не будет. Мать вроде бы соглашается, но ехать хочет в Германию. Отец возражает, что без языка да с двумя детьми-инвалидами они в Германии никому не нужны, а в России можно свое дело открыть. Мать плачет и кричит, что отец погубил ее жизнь и жизнь детей, отец стучит кулаком по столу и хлебает водку прямо из бутылки...

Однажды (Генка хорошо запомнил эту ночь, потому что она случилась незадолго до отъезда) мать вбежала в комнату, когда Генка с Валькой уже заснули, подхватила под мышку сонного Вальку, за руку вытянула из кровати Генку и, что-то крича и не обращая внимания на их рев, потащила в гостиную. В гостиной буквально швырнула мальчишек на пол, перед диваном, на котором сидел босой отец. Валька кулем лежал на полу и орал хриплым басом, Генка извернулся еще в воздухе и приземлился на четвереньки.

– Вот! Вот смотри, что водка твоя поганая сделала! Еще хочешь?!

– Ну Вика, ну все! – бормотал отец, не поднимая глаз и потирая одной ступней о другую. – Ну ты же знаешь, что – все. Договорились же! Ты же знаешь, даже врачи не говорят, почему...

– Врачи не говорят! Я! Я тебе говорю! Я – здоровая! Я пятерых могла бы родить, как сестренка моя младшая! – бесновалась мать.

– Уложи ребят, Вик, они же спать хотят! Ну что ты, в самом деле! Ну все хорошо будет!

Восьмилетний Генка стоял на четвереньках, молча рассматривал родителей и ревушего Вальку, и думал о том, что в его жизни уже никогда и ничего не будет хорошо.

Спустя пару месяцев после ночной сцены семья Лисс навсегда уехала из Джамбула. А еще полгода спустя родился Ёська.

Глава 3. Сестры Ветлугины

Крепкий, широкоплечий мужчина в сером пиджаке «с искрой» сидел у стены на стуле и искал, куда бы положить руки. Руки никак не хотели никуда помещаться. Директор школы сидела за полированным столом и с деловым видом рисовала лягушек на лежащем перед ней бланке противопожарной инспекции. Таким образом, руки у нее были заняты.

– Николай Константинович, я хочу, чтобы вы правильно меня поняли, – сказала директор и пририсовала к пасти очередной лягушки стрелу. – Мы все очень благодарны вам за помощь и готовы дальше учить Владислава. Но... но мы не можем делать это насильно! Владик не хочет и, если смотреть правде в глаза, просто не может учиться по нашим программам...

– Почему не может? – удивился мужчина. – Он что, дурак, что ли?

– Да нет же, конечно! – всплеснула руками директор. – Просто у нас специализированная школа, физико-математическая. Для детей, одаренных именно математически. Вы понимаете? У Владислава нет математической одаренности, но наверняка есть какая-то другая. Надо только искать...

– А, понял! – обрадовался Николай Константинович. – Владек всегда тюфяком был, он просто себя еще проявить не сумел. Так я репетиторов найму, пусть они эту одаренность ищут и на поверхность вытаскивают. Пани директор кого-нибудь порекомендует?

– Николай Константинович! – директор с выражением отчаяния на лице потерла виски и одним росчерком пера нарисовала утонувшую в пруду лягушку с торчащими из воды жалкими лапками. – Владислав не может и не хочет учиться по программе специализированной математической школы. Ему нужна другая программа.

– Сможет... – с угрозой в голосе сказал мужчина и властно позвал в сторону приоткрытой двери. – Владек! Поди сюда! – тут же спохватился, снова посмотрел на так и не пристроенные руки, потом исподлобья глянул на директора. – Можно?

Директор тяжело вздохнула:

– Яжембский, заходи!

В кабинет неловко протиснулся Баобаб и, ни на кого не глядя, остановился у стены.

– Садись, Владик, – предложила директор.

– Спасибо, я постою, – угрюмо сказал мальчик.

– Постоит, – подтвердил отец, и, выдержав паузу в несколько секунд, спросил. – Владек?

Ты в школе учиться хочешь?

Баобаб, словно собираясь нырнуть, набрал воздуху в широкую грудь, зажмурил маленькие бультерьерские глазки и ответил неожиданно громко:

– Нет! Не хочу!

Николай Константинович оплыл на стуле, как смятое неумелой хозяйкой тесто.

– А чего же ты хочешь?!

– Я хочу быть чемпионом по тяжелой атлетике. Олимпийским.

– Холера ясна! – вскричал Николай Константинович, не сдержавшись, стукнул кулаком по столу, и тут же виновато поморщился. – Да что же это такое!

Директор окинула взглядом кряжистые фигуры обоих Яжембских.

– Но, может быть, у Владика действительно есть данные?

Баобаб молча кивнул, а Николай Константинович страшно заскрипел зубами.

– У меня два сына, – глядя в стол, сообщил он директору. – Старший, от первого брака – Тадеуш, ему сейчас двадцать, и вот этот – младший. Когда я рос, у меня не было даже запасных брюк и велосипеда, я не мог учиться в институте, потому что надо было кормить семью. Я хотел дать им все. Я был не в ладах с законом, я покинул Родину, Польшку, я занимался контрабандой,

рэкето́м, я зарабатывал деньги где только мог. Мои дети никогда ни в чем не нуждались... Вы знаете, чем занимается сейчас мой старший сын?

Директор отрицательно помотала головой, хотя старший Яжембский никак не мог заметить этого жеста. В дверях кабинета появилась взлохмаченная голова учителя истории. Директор осторожно приложила палец к губам, историк закрыл приоткрытый рот и аккуратно приклеился к притолоке.

– Мой старший сын живет в Испании и собирается стать тореадором. Сейчас он ученик тореадора. Фактически это слуга, мальчик на побегушках. Дома его нельзя было заставить вынести ведро с мусором. Сейчас он прислуживает какому-то безмозглому придурку, исполняет все его прихоти, лижет его сапоги, собирается потешать толпу и... и счастлив! Понимаете, счастлив!

Я надеялся, что мои сыновья вырастут... вырастут уважаемыми гражданами. Я собирался учить их в Англии. Потом передать им дело. Для этого я... А теперь этот... – в какой-то момент директору и застрявшему в дверях историку показалось, что огромный поляк сейчас разрыдается, как мальчишка. Но Яжембский еще раз скрипнул зубами и переборол себя. – Холера ясна! Что же мне теперь делать? Что пани директор посоветует? Ведь учебный год только начался и...

После ухода Баобаба и его отца историк прошел в кабинет директора, развернул железный изогнутый стул и уселся на него верхом, поместив подбородок на сложенные на спинке ладони.

– Максим, прекрати! – попросила директор. – Сюда же дети могут зайти, родители...

– Ничего, Ксюша, не волнуйся, – успокоил историк. – Я и в классе так сижу. Дети привыкли.

– О-ох! – вздохнула директор. – Мало мне было заморочек, так я еще тебя на работу взяла. Ну, что ты скажешь? Разбойник, рэкети́р, контрабандист... Что там еще? И надо же – такие обычные проблемы: хочется уважения хотя бы для детей, а сын-балбес не хочет учиться...

– Генетика, – вздохнул историк. – Сыновья такие же, как отец, только он этого ни в какую признавать не хочет. Вечная тема. Флибустьеры, ушкуйники, гайдуки, чайные клипера, веселый Роджер, опиумные войны, ускользящие сокровища... И полная невозможность уважаемой, стабильной, обычной и потому скучной жизни.

– А мне-то что со всем этим делать?

– Он у тебя кто – спонсор? Ну так тяни с него деньги, покупай компьютеры для школы, занавески, ремонт делай...

– Нехорошо как-то. Я деньги тяну, но ведь сын-то программу не тянет... Знаешь, какая у него кличка?

– Знаю, конечно, – Баоаб. Он на нее охотно откликается, между прочим. А что не тянет – так это не твои проблемы. Хочет папаша, чтобы сынуля у нас учился, будем учить. Если не выйдет: что ж – мы предупреждали! Пусть репетиторов по математике наймет, еще что-нибудь. Я с физруком поговорю, чтобы посоветовал пацану какую-нибудь секцию тяжелоатлетическую посерьезнее. А что? Будешь потом гордиться, что в твоей школе олимпийский чемпион учился...

– Тебе бы все хи-ханьки да ха-ханьки...

– Ты заметил, какая она красивая? – спросила Капризка, и глаза ее как-то странно блеснули.

Витек отрицательно помотал головой, подбирая слова. Они сидели на детской площадке возле Мак-Дональдса и по очереди ели чипсы из цветного пакетика. У основания блестящей горки чернела лужа, откуда-то сбоку летели мелкие капли дождя. Несмотря на дождь, двое

малышей бодро лазали по лесенкам, а еще один, совсем рядом, отчаянно пытался раскататься на пружинной уточке.

– Да нет, по-моему, она худая слишком. И бледная очень, – Витек от кого-то слышал, что девочкам не нравятся красивые сверстницы.

– Нет, она красивая! – угрюмо повторила Капризка. – Она красивая, как чей-то глюк. Таких просто не бывает.

– Но она же есть, – нерешительно возразил Витек.

– Верно, – согласилась Капризка и надолго задумалась.

Малыш на уточке не удержался за металлические рожки и начал заваливаться спиной назад. Витек успел только приподняться, а Капризка уже метнулась вперед, подхватила малыша, стащила его с уточки и передала прямо в руки подбежавшей моложавой бабушки.

– Спасибо тебе огромное! – поблагодарила бабушка. – Такой стал, просто сладу с ним никакого нет! – она сильно потрянула притихшего малыша.

– На здоровье, – равнодушно ответила Капризка, снова опускаясь на скамейку.

– Быстро ты, – несколько смущенно признал Витек. – Я не успел.

– У меня вообще реакция хорошая, – механически откликнулась Капризка, явно продолжая думать о своем. – Потому и в стрельбе успехи...

– В стрельбе?! – удивился Витек. – Ты – стреляешь?

– Угу. С прошлого года еще. В клубе на Петроградской. Из пневматической винтовки, из мелкашки и из пистолета. Третье место заняла. Со следующего года буду из арбалета стрелять.

– А зачем – стрелять? – спросил Витек, тут же понял глупость своего вопроса и испугался: сейчас Капризка его засмеет. Но Капризка смеяться не стала. И отвечать на вопрос – тоже.

– Придется Маринке рассказать, – сказала она вместо ответа.

– О чем? – не понял Витек. – О том, что стреляешь?

– Да не о том, придурок! – беззлобно окрысилась Капризка. – О девочке этой твоей, Аи...

– Зачем Маринке? Она же растреплет всем!

– Припугнем чем-нибудь. Скажем... ну, скажем, что она колдунья, может порчу напустить, если проболтается, или еще что... Маринка – дура, верит во всякое такое, журналы читает, ужастики смотрит, а потом сама боится и со светом спит... А сказать ей... Смотри сюда: она сама говорила, что у них на Карельском дача есть. Вот бы туда Аи эту и поселить, пока с ней чего-нибудь не прояснится. Маринка согласится, я знаю.

– Что прояснится-то? – снова не понял Витек.

– Ну либо станет ясно, что она психическая, либо вспомнит еще чего-нибудь, либо как-то сама освоится. Или искать ее будут, можно как-нибудь аккуратно в милиции узнать. Вдруг она все-таки откуда-нибудь сбежала?

– А Маринкины родители? Если они, к примеру, на дачу поедут? Отдохнуть там...

– В том-то и фишка! Маринка хвасталась, что папаша ее где-то шикарный коттедж построил с баней, водой и всеми делами. И дача на Карельском им вроде теперь ни к чему. Вроде они ее весной продавать будут. Или Маринке в наследство оставят, или еще что-то... Для нас важно, что никто туда до весны не сунется. Здорово?

– Здорово, – согласился Витек. – Ты с Маринкой сама поговоришь?

Ответить Капризка не успела, потому что к скамейке подошел мальчишка чуть помладше их, в широченных, словно стекающих на щиколотки спортивных штанах и рваных кроссовках.

– Оставьте чипсов маленько, а? – сказал он хрипловатым прокуренным голосом. – Вы себе еще купите...

– Вали отсюда, – с равнодушным презрением Капризка окинула взглядом щуплую и грязную мальчишескую фигурку и запустила руку в шуршащий пакетик.

– Капризка, дай ему! – неожиданно для себя сказал Витек.

Девочка взглянула на Витьку с удивлением, но спорить не стала, отдала пакетик оборвышу, который быстро схватил его грязной рукой с обломанными ногтями и убежал в подворотню.

– Не сердись, я тебе еще куплю, – сказал Витек. – Видела, какой он... несчастный...

– Несчастный? – удивление на лице Капризки усилилось, как звук при повороте ручки громкости. Потом к нему прибавилась задумчивость. – А мы с тобой, значит, счастливые? Так? Вот ты, Витек, – счастливый?

– Я? – откровенно растерялся Витек. – Не знаю. Наверное, да...

Отвечая, он взглянул прямо на девочку, и подумал о том, что эта, сидящая сейчас рядом с ним, Капризка не очень похожа на ту Лизу Ветлугину, с которой он дружил до ссоры, полтора года назад. Он очень хорошо помнил глаза маленькой Капризки, потому что часто смотрел в них. По ее же требованию.

– Ты не врешь? Не врешь?! – спрашивала она, как будто все время подозревала в чем-то маленького, и в общем-то весьма честного Витьку. – Смотри мне в глаза и говори!

Сейчас ему показалось, что глаза изменили цвет. И губы тоже изменились. И волосы. «Но так же не бывает!» – подумал Витек.

– Ты изменилась, – сказал он.

– Ага. У меня переходный возраст, – усмехнулась Капризка.

– А у меня? – спросил Витек. Видимо, сегодня ему суждено было задавать глупые вопросы. – Я тоже изменился?

– Нет, – улыбнулась Капризка. – Ты не изменился. Ты – такой же. Только подросток немножко. Так и будешь всегда свои задачки решать. А меня из гимназии в этом году выгонят, – неожиданно закончила она.

– Почему выгонят? – испугался Витек, и сам удивился своему испугу. Мало ли кого выгоняют из их гимназии! Вот в прошлом году четверых выгнали из их класса. И с Каприжкой он последний год почти не разговаривал. Чего же испугался?

– Я этих задач, что мы сейчас проходим, вообще не понимаю, – грустно призналась Капризка. – Дома сижу, пытаюсь понять, ничего... Не потянуть мне...

– У тебя же сестра старшая, мать... – Витьку никогда не требовалась помощь в освоении программы, но он не сомневался в том, что при необходимости отец объяснил бы ему любой непонятный раздел.

– Ха! Сказал! – невесело рассмеялась Капризка. – Верка куда тупее меня, да и в школе почти не учится. Так, отсидивает... А мама... она бы и рада... Да у нее же образование – библиотечный техникум, она в математике ни бум-бум...

– Давай я буду с тобой заниматься! – быстро предложил Витек. – Я хорошо объясняю, это все пацаны говорят... Или буду за тебя задачки решать. И на контрольных... – Витек вспомнил про Баобаба и его наемного Воробья и поморщился.

– Да это же все поймут, что ты за меня решаешь, – возразила Капризка. – А заниматься... Может, и стоит попробовать... Если выгонят, мать с ума сойдет. Да и я привыкла уже...

– Конечно, попробуем, Капризка, – воодушевился Витек. Насчет объяснить задачку – это он умел и в этом хорошо понимал. Не то, что про девочек и переходный возраст. – Давай прямо сегодня. Ты сходи к Маринке сейчас, спроси про Аи, договорись с ней, а потом приходи ко мне. Придумаем, как все это лучше сделать, заодно и позанимаемся. А я пока Аи пожрать чего-нибудь отнесу. Я тебе говорил, что она сырое мясо есть может?

При упоминании Аи в глазах Капризки закружился какой-то туман, и цвет их стал вовсе неопределенным.

– Аи просила ей достопримечательности показать, – задумчиво сказала она. – Ты что думаешь?

– Я думаю – Эрмитаж! – твердо сказал Витек. – И Русский Музей. Еще можно этот – Военно-Морской...

– Скучища! – отрезала Капризка. – Пыль и скучища! Она же девчонка, а не старушка-пенсиянка и не мышь в очках. Это они все по музеям шастают и ахают: «Ах, какое произведение! Ах, какая красота!» Смотреть надо там, где жизнь.

– А где это? – снова ничего не понял Витек. Для него наиболее напряженная жизнь протекала в дебрях математических задач и справочников. Но не давать же Аи читать учебники!

– Я подумую, – снисходительно сообщила Капризка. – Есть некоторые идеи...

В свои пятнадцать лет и три месяца Вера Ветлугина считала себя вполне сформировавшейся личностью. Она любила рэп, рок-группу «Любэ» и чипсы с паприкой. При этом терпеть не могла школу, все супы, за исключением грибного, и младшую сестру Капризку. Впрочем, сама по себе Капризка могла быть даже забавной. Раздражало то, что она училась в гимназии, и мама любила ее значительно больше, чем Веру. Впрочем, и это можно пережить, – говорила себе Вера, отправляясь тусоваться с друзьями и поправляя перед зеркалом слегка размазавшийся макияж.

Именно в этот момент на пороге комнаты возникла младшая сестра.

– Верка, ты сейчас уходишь?

– А что – не видно?

– Дело есть.

– Как-кие у тебя могут быть дела, малявка?! – Вера презрительно наморщила нос, провоцируя сестру на драку. Подражаться с Капризкой Вера любила. От этого у нее всегда настроение улучшалось. Особенно если Капризка начинала реветь и маме жаловаться.

Но сейчас младшая сестра не настроена была обижаться и тем более драться.

– Верка, я тебя попросить хочу, – спокойно сказала Капризка. – Как человека.

– Ну, если как человека, тогда давай, – смиловилась Верка. – Только побыстрее. Меня люди ждут.

– Ты маме говорила, что на фестиваль пойдешь. На Дворцовой площади. Послезавтра. Так?

– Ну, говорила. Ну, пойду. Но, ес-стес-ственно, без всяких там сопливых! – Верка с ужасом представила себе, как ей придется вместо хорошей оттяжки с друзьями на фестивале повсюду таскать за собой младшую сестру и следить, чтобы она никуда не потерялась. И пива при ней не выпьешь, и курить не будешь... Кошмар!

– Понимаешь, Верка! – не обращая внимания на оскорбительный тон сестры, продолжала Капризка. – У нас девочка одна есть. Она... она приехала... Она... она иностранка! Так вот она хочет посмотреть достопримечательности! Я бы ее сама повела на этот фестиваль, но я же такого ничего не знаю, а ты уже много раз везде была...

– А откуда это у тебя иностранка взялась? – подозрительно спросила Верка, хотя ее любопытство уже было разбужено.

– Она... она к нам в гимназию приехала! – нашлась Капризка. – По обмену опытом.

– Одна, что ли?

– Да нет, их много, но я... то есть мы с Витьком ... нам досталось ее развлекать! Понимаешь?

– А Витек – это тот щупленький, с которым ты в детстве за ручку ходила? Математический гений?

– Да, – с неожиданной гордостью ответила Капризка. – Он у нас в классе самый способный, только об этом никто не знает, потому что он скромный очень. И он будет со мной математикой заниматься!

– На скромных воду возят! – фыркнула Верка и тут же деловито уточнила. – Так ты чего хочешь? Чтобы я послезавтра с собой таскала тебя, иностранку и этого скромного Витька? А все мои удовольствия, значит, побоку?

– Да нет, нет, Верочка! – радостно воскликнула Капризка, понимая, что сестра уже дала свое согласие. – Ты только нас туда привезешь, покажешь, а там мы уже сами... Мы вам мешать не будем!

Над Дворцовой площадью ходили низкие облака, похожие на грязные подушки. Напротив ворот с чугунной решеткой была установлена эстрада, увитая гирляндами шариков. Из мощных динамиков гремела музыка, а на сцене прыгали и как бы пели молодые люди непонятного пола, похожие на инопланетян значительно больше, чем девочка Аи. Аи в витьковских джинсиках и куртке, в капризкиных босоножках, с аккуратненьким хвостиком, стянутым сзади резинкой, на инопланетянку была совсем не похожа. Обычная девочка, если к лицу не приглядываться.

Витек вспомнил, как смотрел какой-то фильм, в котором на черную фигурную решетку лезли какие-то люди, чтобы сделать революцию. Зачем они эту революцию делали, и почему лезли на ворота, Витек не знал, хотя смутно припоминалось, что царя в это время в Зимнем Дворце уже не было, его то ли уже убили, то ли собирались убить где-то совсем в другом месте. Что же нужно было в Эрмитаже этим людям? И куда стреляла Аврора? Или это не тогда было? А вдруг Аи спросит, раз она достопримечательностями интересуется? Витек решил, что надо будет выяснить у Борьки Антуфьева, как там все было на самом деле с этой решеткой. О задачах и математике с Борькой не поговоришь, зато он читал всякие исторические книжки, и, когда все смотрели по телеку какой-нибудь исторический фильм, Борька потом довольно внятно объяснял пацанам, чего хотели красные, чего – белые, и чего – бандиты батьки Махно и всякие другие. Правда, понять, кто из них прав, никому так и не удавалось, потому что встречались фильмы, где белые были хорошие, а красные – плохие, встречались – наоборот, а еще были комедии, в которых вообще все дураки. Борька важно говорил, что такая постановка вопроса неверна, потому что история наука объективная, как математика, и никаких хороших и плохих там вообще быть не может. Витек на тему связи истории и математики поразмышлял бы и даже поговорил, но телевизор он смотрел редко, поэтому материала для размышления, а тем более для разговора было слишком мало. Может, взять у Борьки пару книжек?

По всей Дворцовой площади расставили лотки с мороженым и баллоны со сжатым газом. Около баллонов продавали воздушные шарики. Шарик встречались разных форм и с разными рисунками. На некоторых были нарисованы всякие смешные зверюшки и надписи, на других – черепа с костями. Александрийский столп огородили высокой проволочной сеткой, и он напоминал исполинского грустного жирафа в зоопарке. В разных направлениях по площади ходили молодые люди обоих полов с банками пива и лимонада, и родители с детьми, которые ели мороженое. У многих на головах красовались поролоновые уши и рожки, а в руках шарики. Почти на всех поверх одежды были надеты футболки с эмблемами фестиваля. Футболки выдавали бесплатно у устья площади, со стороны Капеллы, но для этого нужно было прийти раньше.

– Весело, правда? – сказала Верка. – Как в Америке. Жалко, футболки до нас кончились. Но ничего. Вон там у трибуны шарики бесплатно дают. А вон там на батуте прыгают. И еще в галошах бегают, кто быстрее.

– А зачем – в галошах? – спросил Витек.

– Чтоб смешнее было, – снисходительно объяснила Верка, а ее подружка Галя рассмеялась, как будто уже бежала куда-то в галошах.

– Хочу шарик! – сказала Капризка. – Где их дают?

– Вон там, смотри, видишь, толпа какая, слева, – объяснила толстая Галя. – Лучше вам туда не ходить, вы маленькие, затопчут.

– Давай лучше купим, – предложил Витек.

– У тебя что, деньги лишние? – спросила Капризка. – Тогда мороженое купи. А шарик я бесплатный хочу. И Аи хочет. Правда, Аи?

– Я не знаю, – девочка пожалала узкими плечами и зажмурилась. Витек в который уже раз подумал о том, что надо было не слушать Капризку и вести Аи в Русский музей. – А что с шариками делают?

– С шариками? – бодро переспросила Капризка. – Ну, это просто. Их... это... их носят... и еще это... выпускают...

– А что, в твоей стране шариков нет, что ли? – подозрительно спросила Верка. – Ты откуда вообще приехала? И по-русски так хорошо говоришь...

– Аи приехала из Верхней Волги, – быстро сказал Витек. Он был уверен в том, что Верка никогда не слышала такого названия, а переспрашивать не станет из гордости, чтобы не позориться перед малявками. Причем шариков в Верхней Волге вполне может и не быть – никакими сведениями по этому поводу Верка явно не располагает. Только бы сама Аи не стала ничего объяснять. Впрочем, они ведь заранее договорились, а Аи явно не болтлива. – А по-русски у нее в семье говорят. Она из эмигрантов.

– А, вот какое дело... – важно протянула Верка, и, как и полагал Витек, закрыла тему. – Ну ладно, пошли за шариками.

– Пошли, – вздохнул Витек и кивнул девочкам. – Вы здесь стойте, я сам...

– Кавалер! – усмехнулась Верка, но в голосе ее прозвучало невольное уважение. – Держись сзади за Галкой, она так прет, что ее даже асфальтовый каток не остановит.

Витек молча кивнул и понуро пошел к трибуне.

Вблизи музыка почти совсем исчезла, рев динамиков просто буравил голову, как отбойный молоток. – «Как же они там на сцене-то?!» – невольно посочувствовал Витек. Мысль, что кому-то это может просто нравиться, казалась ему совершенно абсурдной. Верка и Галка приплясывали, ввинчиваясь в плотную толпу, и, кажется, даже подпевали кривляющимся на эстраде артистам. Витек плелся сзади, стараясь не наступать никому на ноги и по возможности беречь свои.

Слева от трибуны поток желающих разжиться шариками фильтровали милиционеры или еще кто-то в пятнистой форме. Время от времени, когда народу становилось слишком много, они брались за руки и живой цепью преграждали путь в шариковый коридор, отпихивая напирющую молодежь. Верка с Галкой уверенно продвигались вперед, и уже почти достигли возделенной загородки, но тут наступило время «ч», и милиционеры хищными птицами ринулись в толпу с криками: «Назад! Назад, я кому говорю!!!» Верка быстро огляделась, стукнула Галку по мощному загривку, и нагнувшись, обе подруги легко нырнули вперед, под уже сомкнувшуюся цепь. Витек не сумел повторить маневр. Милиционеры остервенело пихали руками и дубинками напирających девчонок и пацанов, которые при всем желании не могли повернуть назад, потому что сзади на них давили другие. – «Назад!!!» – натужно ревели они, перекрывая мат и визг попадающих под удары. На какое-то мгновение Витек оказался глаза в глаза с молоденьким, наклонившимся вперед пареньком в пятнистой форме, с трудом удерживающим руку напарника по цепи. Глаза у паренька были белые, как у уснувшей рыбы, и в них не было ничего человеческого. Витка, стоявшего прямо перед ним, почти лежавшего на его руке, парень не видел.

До боли закусив губы, Витек оттолкнулся от чьей-то груди и начал пробираться назад.

Верка и Галка уже стояли рядом с Аи и Капризкой. В руках у Галки был один, а у Верки – целая связка разноцветных шариков. Витек опустил глаза.

– Не достал? – обвиняюще спросила Капризка.

– Надо было за нами ползти, говорили же, – довольно улыбаясь, сказала Верка. – Да ладно. Там как раз менты как поперли, как поперли, – Верка перекосила лицо свирепой гримасой, раскинула руки и изобразила, как поперли менты. Галка рассмеялась. – Он и сдрейфил. Ничего. Тут на всех хватит. Берите, малявки. Возьми Витек...

– К черту! – рявкнул Витек. Перед его мысленным взором стояли белые глаза и застывшее лицо молодого милиционера. – К черту эти шарики!

– Ну не хочешь, не надо, – удивилась Верка. – Берите, девчонки. И дальше вы сами, а мы с Галкой пойдем своих искать. Как договаривались. До дома сами добирайтесь. Не задерживайтесь здесь. Если хотите, посмотрите забег, а потом уходите. Лады?

– Лады! – Капризка важно кивнула сестре.

Толстая Галка неожиданно хлопнула Витьку по спине. Мальчик присел.

– Запарился, да? – спросила она. – Не бери в головняк. Ходи в библиотеку, а от Ветлуговых подальше держись. И все в норме будет. – Галка засмеялась, Верка пробормотала что-то себе под нос, а Капризка открыла было рот, чтобы ответить, но тут же осеклась, поймав Веркин взгляд.

– Следующий раз в Русский музей пойдем, – сказал Витек и огляделся, словно вынырнул откуда-то или вернулся из-за границы. Начал накрапывать вялый дождик. По площади шли люди. У большинства в руках были шарики. На лицах остывало выражение серьезной сосредоточенности.

– Не как в Америке, – сказала Капризка. – Я по телевизору видела. Там улыбаются. А эти словно думают о чем-то.

– Наверное, они думают, что с шариками делать, – предположила Аи.

Витек громко захохотал.

– Замолчи, а то врежу, – пригрозила Капризка. – Пошли акробатов смотреть.

Глава 4. Виктор Трофимович

Виктор Трофимович Воронцов был потомственным участковым милиционером. Многие думают, что так не бывает, но вот в городе Озерске, в Северном округе – было. Отец Виктора Трофимовича – Трофим Игнатьевич Воронцов, назначен был озерским участковым в 1939 году, сразу после того, как финны оставили город (тогда он назывался Типшиёкки), и в Озерске укрепилась рабоче-крестьянская власть Советов. На этом самом месте проработал Трофим Игнатьевич более 30 лет, с перерывом на Великую Отечественную войну, и как собственную квартиру и живущих в ней домочадцев, знал всю озерскую шпану и места ее постоянной и временной дислокации. За годы беспорочной службы Трофима Игнатьевича дважды пытались убить и один раз, в 1951 году, подвести под криминал. Попытки убийства Трофим Игнатьевич пережил благодаря прекрасной физической форме (всю свою долгую жизнь он каждый день, по примеру товарища Котовского, делал утреннюю часовую гимнастику, тренировался в тире и обливался холодной водой), а по ложному обвинению отсидел-таки полгода в тюрьме, но потом следствие во всем разобралось, Трофима Игнатьевича восстановили на работе, вернули награды и даже извинились, что по тем суровым временам казалось почти сказкой. Весь криминальный элемент города Озерска Трофима Игнатьевича уважал и боялся, а в день его семидесятилетия (он тогда пребывал уже на заслуженной пенсии) престарелый озерский авторитет и вор в законе Кожанчик прислал ему ящик армянского коньяка, корзину цветов и записку: «Игнатьич, мы оба вышли в тираж и делить нам больше нечего. Я всю жизнь соблюдал свой Закон, ты – свой. Не оттолкни дар искреннего уважения». Трофим Игнатьевич сначала хотел отослать «дар искреннего уважения» обратно, ибо никогда в жизни не взял от воров ни копейки, однако после рассудил, что этот ящик коньяка взяткой ни в коей мере являться не может, и выставил коньяк на праздничный стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.